

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

А.Б. КЕРДАН

Труднее всего писать о самых близких людях. Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер трёх боевых орденов и шести фронтовых медалей, подполковник в отставке Венедикт Тимофеевич Станцев был для меня именно таким.

...Мы познакомились в апреле 1981 года. Станцев, увидев мои старлейские погоны, обрадовался, и тут же стал знакомить меня с уральскими писателями-фронтовиками: Семёном Шмерлингом, Юрием Левиным, Александром Мауровым...

Именно Станцев первым разглядел во мне поэтическое дарование, протянул руку помощи и поддержки. По профессии он был школьным учителем, и как раз перед началом войны окончил Саратовский пединститут. Именно педагогические качества отличали его от многих поэтов старшего поколения, с кем мне довелось встречаться. Не секрет, что в советское время (равно как и в досоветское, и постсоветское) всегда кто-то из опытных мастеров (на этом и строится преемственность литературы) опекает, курирует, берёт своеобразное шефство над начинающим литератором. В армии — это идёт от лермонтовского «дядьки».

Таким «дядькой» в восьмидесятые стал для меня Венедикт Тимофеевич. Его опека выражалась не только во внимательном прочтении моих тогдашних опусов, но и в рекомендации на областное совещание молодых писателей 1982 года, где я оказался в его семинаре. Семинар рекомендовал мои стихи для публикации. Венедикт Тимофеевич писал к ним добрые напутственные слова. Не ради привлечения внимания к собственной персоне, а лишь для демонстрации широты души, доброты моего учителя приведу его строки.

Газета «На смену» от 28 июля 1983 года: «Александр Кердан — военнослужащий, комсомольский работник. Он — участник XI областного совещания молодых литераторов. Стихи Александра сразу же получили добрую оценку старших товарищей по перу: в них комсомольский задор, поэтическая свежесть, гражданственность. Александр Кердан предан поэзии, настойчиво ищет свой голос. Не буду цитировать его стихи: они перед вами. Надеюсь, молодые читатели по достоинству оценят их. Хочется пожелать молодому поэту успехов на трудном и радостном пути в литературу. *В. Станцев, руководитель секции поэзии при областной писательской организации*».

Журнал «Уральский следопыт» № 2 1984 года: «Эти стихи не нуждаются в каком-то особом представлении. Они о службе армейской, о её трудностях и радостях. Объясняется это просто: Александр Кердан пишет о том, что ему отлично известно, — он окончил высшее авиационное военно-политическое училище, кадровый военный, авиатор и политработник. Я внимательно слежу за творчеством Кердана, замечаю, как крепнут его поэтические строчки. Александр молод. У него всё впереди — и в жизни, и в поэзии. На смену нам — фронтовым поэтам — приходят поэты современной армии».

А потом меня перевели служить в Пермь. Туда, как д.Артаньян к де Тревилю я поехал с письмом Венедикта Тимофеевича к фронтовику и другу Станцева — Николаю Фёдоровичу Домовитову. С доброй подачи Станцева Николай Фёдорович стал в 1991 году одним из тех, кто рекомендовал меня для приёма в члены Союза писателей СССР.

Несмотря на расстояние (а после Перми я служил в Челябинске), отношения со Станцевым не прервались, мы переписывались. Когда в 1995-м я вернулся в Екатеринбург, вместе с Венедиктом Тимофеевичем мы были членами правления областной писательской организации.

Именно благодаря ему и другим нашим фронтовикам и созрела идея создания Ассоциации писателей Урала, объединяющей расколовшиеся в 1991 году союзы писателей. Венедикт Тимофеевич горячо поддерживал идею Ассоциации, активно участвовал в проводимых нами мероприятиях, в том числе во всеуральском совещании молодых писателей в Тагиле в 2001 году. Было много творческих встреч, выступлений перед воинами и студентами, школьниками и ветеранами. Он великолепно читал свои стихи, в совершенстве владел аудиторией. Не могу обойтись без метафоры — был в таких поездках, выступлениях, как безоткатная десантная пушка: точно и без промаха попадал в цель, умел достучаться и до детей, и до стариков. Про женскую аудиторию вообще не говорю... Женщины всегда были от него без ума. Недаром же все поэты Урала наизусть знают станцевское: «Когда поэт перестаёт влюбляться, Он и поэтом быть перестаёт», или «Надоела шумная столица...»

Да и сегодня, когда мне самому приходится читать стихи моего учителя, я каждый раз убеждаюсь: вышибают они слезу и у прошедшего пекло войны солдата, и у юной красавицы... Это и есть тот самый «катарсис», о котором так любят говорить эстеты.

В жизни же Станцев был человеком наискромнейшим. Он был членом Союза писателей с 1964 года, дружил с Борисом Ручьёвым, Виктором Астафьевым и другими известными литераторами, но этим нигде не пользовался. Хотя на Урале считался поэтом известным, но в Москву свои стихи никогда не посылал. Его первая публикация в журнале «Наш современник» появилась только в 2007 году, и то — с моей подачи. Кстати, главный редактор журнала, известный поэт и публицист Станислав Куняев очень высоко оценил стихи Венедикта Тимофеевича, его знаменитое

*«Под Москвой, в ноябре,
Минометным накрытый
Я лежал на стерне
Не живой, не убитый...»*

Самая трудная часть этих воспоминаний — последние годы жизни Учителя. Тяжёлая болезнь приковала к постели, лишила подвижности, круга общения... Но именно это время стало для наших отношений самым откровенным, сокровенным и дорогим: как шелуха, отлетело всё наносное... Несколько раз Венедикт Тимофеевич просил меня записать (руки его уже не слушались, а подаренным тюменским писателем Сашей Кравцовым диктофоном он так и не научился пользоваться) новые стихи. Представляю, как трудно ему было сохранять, повторяя раз за разом, эти строчки. Наверное, отсутствие возможности писать тоже приблизило его уход...

Ушёл из жизни верный солдат русской поэзии Венедикт Тимофеевич Станцев мужественно и достойно. Это случилось в 2009 году. В 2010 году мы вместе с его дочерью Еленой Григорьевой и Уральским отделением Литфонда России (председатель Арсен Титов) учредили Всероссийскую литературную премию имени поэта-фронтовика В.Т. Станцева. За десять лет её получили почти три десятка поэтов и прозаиков России, пишущих на военно-патриотическую тему. Среди них Николай Иванов и Михаил Михайлов (Москва), Геннадий Попов (Орёл), Вадим Терёхин (Калуга), уральцы Евгений Бунтов и Александр Шалобаев, Николай Година и Андрей Расторгуев и другие талантливые современники. Дело поэта-фронтовика В.Т. Станцева живёт. Нам, его ученикам, друзьям и однополчанам по поэтическому строю, нести дальше знамя, выпавшее из его рук.

ВЕНЕДИКТ СТАНЦЕВ

АПРЕЛЬСКАЯ БАЛЛАДА

1

Мы шли по колено в воде,
с трудом поднимая ноги,
мы — это все,
что осталось от роты.
Лейтенант Костромин
сатанински ругался в бога,
и в гроб, и в войну,
и в треклятое это болото.
Он шагал впереди,
переполненный злобой
и мезтью, и ругань его
громыхала средь сосен.
Ещё до рассвета
нас было без малого двести,
а после рассвета
осталось всего сорок восемь.
Вернее не шли мы — плелись,
окружённые талой водою,
студеной водою,
погибая от жажды.
Хотя бы глоток,
один бы глоток после боя,
но каждый терпел
и судьбу проклинал свою каждый.
В этом диком болоте
бой свирепствовал двое суток,
тысячи тел
вода едва прикрывала...
Наконец-то земля!
Мы упали, теряя рассудок, —
и сердце пропало,
и белого света не стало.
Я свалился под старую ель...

Шёл сорок второй,
Был месяц апрель...

2

Речка — узкая, узкая.
Хрупкие льдины
плывут, похрустывая.
Речка чистая, чистая —

без кровиночки, по берегам —
пушистые хворостиночки:
Пьёт из речки сама весна:
«Ах как вода вкусна...»
Зовёт, зовёт нас синь-река:
«У меня вода голуба, сладка,
вы устали в последнем бою,
я вас умою и напою...»
Ах ты речка, речка —
доброе сердечко,
мы бы душою
к тебе прильнули,
мы бы губами
к тебе прильнули,
да не пускают
немецкие пули.
Речка узкая, узкая,
наша речка — русская.
Ах ты речка, речка,
травя-повитель...

Шёл сорок второй,
Был месяц апрель...

3

Лейтенант Костромин
командует:
«Вперёд!».
Лейтенант командует,
а цепь не встаёт.
До речки шагов
не более ста,
но стрельба из-за речки
очень густа,
и речная вода
холоднее льда,
и патронов — в обрез,
и сил — в обрез,
и жить хочется позарез.
Лейтенант Костромин
снова кричит:
«Вперёд!».
Лейтенант кричит,
а цепь не встаёт.

Лейтенант в упор
на меня глядит:
«Ты комсорг,
вставай и веди!..»
Я не зову никого,
не веду,
я просто встаю
и к речке иду,
думаю грустно:
«Ну что, боец,
вот и тебе —
геройский конец...»
А пули звенят,
а пули грозят,
а пули приказывают:
«На-з-з-з-з-ад!
А я уже в речку
по пояс вхожу,
винтовку, подсумки
повыше держу.
Вода уже льётся
за воротник,
всё тело моё,
как безумный крик,
я будто глотаю
лёд из огня,
будто вбивают
гвозди в меня.
Еле вползаю
на берег крутой,
затвор у винтовки
тугой-претугой.
И слева — палят,
и справа — палят...
Да сколько же силы
у наших ребят?!
Речка давно
где-то там, за спиной,
опять в меня входят
жажда и зной...
Боже, забыл я
из речки напиться...
Лейтенант Костромин

кричит:
«Закрепиться!».
Я лежу под берёзой
без воды и без хлеба,
пар от меня
тихо уходит в небо...
А где-то трезвонит,
трезвонит капель...

Шёл сорок второй,
Был месяц апрель...

4

Без штыка на фронте —
не прожить,
он может всё —
напарник верный:
колоть и бить,
вскрывать консервы
и перемерзлый хлеб крошить.
Прости, берёза!
Штык вонзился в ствол,
Из раны сок холодный
брызнул,
и был тот сок —
посланцем жизни,
и был тот сок,
как хлеб на стол.
Мне берёза
матерью была,
а я её —
грудным младенцем.
Я пил,
и крепло моё сердце,
и сила юная росла.
Вот так, в канун вишнёвого цветенья,
я отмечал свой день рожденья.
Ах, двадцать, ах, двадцать,
годок золотой...

Был месяц апрель,
Шёл сорок второй...

